

Должник как субъект отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве): социально-экономическая и правовая характеристика

© А.А. Пахаруков

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Исследованы методологические подходы к определению социально-экономического портрета несостоятельного должника в деле о его банкротстве как результата эмпирического исследования. Представлена социально-экономическая характеристика российских должников. Проведен дифференцированный анализ в отношении юридических и физических лиц по следующим показателям: показатели, непосредственно связанные с должниками, в отношении которых открыто дело о банкротстве; показатели, характеризующие лиц, являющихся заявителями в деле о банкротстве; количество применяемых процедур банкротства; средняя длительность дела о банкротстве; показатели, характеризующие требования кредиторов. Рассмотрены основные индикаторы показателя «Разрешение неплатежеспособности», который рассчитывается Всемирным банком при определении рейтинга стран «Ведение бизнеса» (Doing Business). Отмечена практическая ценность исследования в области анализа имущественного положения несостоятельных должников для целей последующего правового анализа и обоснования предложений по совершенствованию законодательства. При рассмотрении легальной дефиниции должника выявлены отдельные научные проблемы. Обозначена необходимость расширения круга конкурсантов лиц в российском правовом порядке. Признано теоретически необходимым и экономически обусловленным закрепление в российском законодательстве возможности банкротства группы компаний, что в конечном итоге должно способствовать повышению эффективности института банкротства. Установлено логическое соотношение понятия должник в гражданско-правовом смысле и в значении законодательства о банкротстве. Выявлена непропорциональность правового регулирования банкротства юридических и физических лиц. Предложено разграничивать два уровня исследования понятия «должник в деле о банкротстве» – теоретический и эмпирический.

Ключевые слова: конкурсное право, несостоятельность, банкротство, должник, конкурсантность, субъекты банкротства

Информация о статье: Дата поступления 30 сентября 2019 г.; дата принятия к печати 30 октября 2019 г.; дата онлайн-размещения 30 декабря 2019 г.

Для цитирования: Пахаруков А.А. Должник как субъект отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве): социально-экономическая и правовая характеристика // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 4. С. 327–338.

The debtor as a subject of relationship arising in case of insolvency (bankruptcy): socio-economic and legal characteristic

© Aleksandr A. Pakharukov

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article examines the methodological approaches to determining the social and economic picture of an insolvent debtor in a bankruptcy case as a result of an empirical study and provides the socio-economic characteristics of Russian debtors. The differentiated analysis was carried out in relation to entities and persons on the basis of the following indicators: indicators directly related to debtors against whom insolvency proceedings had commenced; indicators characterizing persons who are applicants in a bankruptcy case; the number of bankruptcy procedures applied; average length of bankruptcy case; indicators characterizing the requirements of creditors. The author considers the main characteristics of the indicator "Resolution of insolvency" calculated by the World Bank to determine the rating of the Doing Business countries. The practical value of the study is underlined in the field of analysis of the property status of insolvent debtors for the purposes of subsequent legal analysis and substantiation of proposals for improving legislation. When considering the legal definition of the debtor, some scientific problems were identified. The necessity to widen the range of competitive persons in the Russian law enforcement is indicated. Reflection of the possibility of bankruptcy of a group of companies is recognized theoretically necessary and economically driven that ultimately should promote the increase of the efficiency of the bankruptcy institution. The logical correlation of the concept of a debtor in the civil law sense and in the meaning of bankruptcy law is established. The disproportionality of the legal regulation of bankruptcy of entities and persons is revealed. It is proposed to distinguish between two levels of research of the concept "debtor in a bankruptcy case" – theoretical and empirical ones.

Keywords: bankruptcy law, insolvency, bankruptcy, debtor, ability to be bankrupt, subjects of bankruptcy

Article info: Received September 30, 2019; accepted October 30, 2019; available online December 30, 2019.

For citation: Pakharukov A.A. (2019) The debtor as a subject of relationship arising in case of insolvency (bankruptcy): socio-economic and legal characteristic. *Social Competence*. 2019. Vol. 4. No. 4. P. 327–338. (In Russ.).

Постановка проблемы. В юридической литературе совершенно справедливо отмечается тот факт, что «законодательство о несостоятельности (банкротстве) в настоящее время представляет собой, пожалуй, одну из наиболее динамично развивающихся систем законодательного регулирования» (Карелина, 2018. С. 3). Между тем большинство изменений носит ситуационный или юридико-технический характер и не решает многих краеугольных проблем института несостоятельности (банкротства). Думается, что в качестве исходной методологической посылки обоснования законодательных новаций следует признать суждение о том, что коренные изменения должны быть обусловлены потребностями социально-экономического развития, востребованы практикой. В этой связи Е.П. Губин верно отмечает, что «именно экономическая, хозяйственная практика должна лежать, например, в основе правотворческой деятельности в сфере экономики», акцентируя внимание при этом на то обстоятельство, что «не столько юридическая практика, сколько практика экономическая (хозяйственная) должна определять и определяет направления совершенствования законодательства в широком его понимании, его недостатки и достоинства, направления развития» (Губин, 2018. С. 5).

Поэтому прежде чем давать рекомендации по совершенствованию действующего Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее – Закон о банкротстве) следует иметь четкие представления о том, какие социально-экономические процессы имеют место в сфере имущественного положения участников отношений, возникающих при банкротстве, и прежде всего несостоятельного должника.

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // *Собрание законодательства РФ*. 2002. № 43. Ст. 4190. Federal Law dated October 26, 2002 No. 127-FL “On Insolvency (Bankruptcy)”. *Corpus of legislative acts of the Russian Federation*. 2002. No. 43. Article 4190.

Социально-экономический портрет российского должника в деле о банкротстве: некоторые вопросы методологии.

Законодательство о банкротстве действует в Российской Федерации в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей с 1991 года, а в отношении физических лиц – с 1 октября 2015 года. Истории применения российского законодательства о банкротстве известны разные периоды – от стадии относительного невысокого числа банкротств до этапа массового банкротства крупных организаций. Каковы сегодня основные социально-экономические характеристики лиц, в отношении которых в Российской Федерации открывается дело о банкротстве? Ответ на данный вопрос может быть получен, если обратиться к статистическим сведениям, периодически публикуемым в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (далее – ЕФРСБ)², а также данным Федеральной налоговой службы и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Представляется, что социально-экономический портрет типичного российского должника при банкротстве может быть дан дифференцированно для юриди-

² Юхнин А.В. Процедуры банкротства: статистика Федресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/7ce72d38-f952-4b11-9fa0-51e010612b40> (дата обращения: 25.10.2019). Yukhnin A.V. Bankruptcy Procedures: Fedresource Statistics. Available from: <https://fedresurs.ru/news/7ce72d38-f952-4b11-9fa0-51e010612b40> (access date: 25.10.2019); Результаты процедур банкротства граждан: январь-сентябрь 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/41443b01-f1d9-4c7e-8e56-374822a9a11b> (дата обращения: 25.10.2019). Results of bankruptcy proceedings: January-September 2019 year. Available from: <https://fedresurs.ru/news/41443b01-f1d9-4c7e-8e56-374822a9a11b> (access date: 25.10.2019); Результаты процедур банкротства компаний: январь-сентябрь 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/843f8484-ba9c-42db-a3b7-bad503d21d8e> (дата обращения: 25.10.2019). The results of bankruptcy proceedings: January-September 2019 year. Available from: <https://fedresurs.ru/news/843f8484-ba9c-42db-a3b7-bad503d21d8e> (access date: 25.10.2019).

ческих лиц и граждан в разрезе следующих групп показателей:

- показатели, непосредственно связанные с должниками, в отношении которых открыто дело о банкротстве;
- показатели, характеризующие лиц, являющихся заявителями в деле о банкротстве;
- количество применяемых процедур банкротства;
- средняя длительность дела о банкротстве;
- показатели, характеризующие требования кредиторов.

В юридической литературе С.А. Карелина обосновала вывод о том, что неспособность исполнять свои долги как социально-экономическое содержание несостоятельности может быть охарактеризована с помощью системы несколько иных показателей:

- неплатежеспособность лица;
- особое имущественное состояние должника;
- уровень эффективности управления финансовыми ресурсами;
- степень сбалансированности входящего и исходящего денежных потоков (Карелина, 2019. С. 25–29).

На первый взгляд, обосновываемый в статье подход коренным образом отличается от выводов, отстаиваемых С.А. Карелиной. На самом деле это не так. Различие не носит концептуального характера, а обусловлено тем, что подходы к социально-экономической характеристике неплатежеспособности должника имеют разные цели и уровни научного познания. Автор ставит своей задачей раскрыть экономическую сущность несостоятельности на уровне теоретического анализа. Цель настоящей статьи скромнее – на уровне эмпирического анализа представить социально-экономическую характеристику несостоятельного должника на основе открытых данных, по которым ведется статистическое наблюдение. Предлагаемый в статье анализ является начальным этапом познания экономической сущности несостоятельности, а суждения С.А. Карелиной – его конечным этапом. Для отграничения результатов эмпирического анализа от конечных теоретических выводов предлагается

использовать термин «социально-экономический портрет».

Социально-экономический портрет должника – юридического лица. Данный вопрос рассмотрим посредством анализа динамики изменений предложенных показателей. При этом в качестве эмпирической основы анализа примем во внимание наиболее актуальные статистические данные – за первые девять месяцев 2019 года – и сравним их с аналогичным периодом 2018 года.

1. **Количественный состав должников:** арбитражные суды в январе-сентябре 2019 г. признали банкротами 9 127 организаций, что на 5,7 % меньше, чем за тот же период 2018 г. По данным Федеральной налоговой службы за первые девять месяцев 2019 г. 6 415 организаций прекратили свою деятельность в порядке банкротства (в 2018 г. за тот же период – 7 310). Для справки: на 1 октября 2019 г. общее количество юридических лиц, прекративших свою деятельность в связи с банкротством за весь период ведения Единого государственного реестра юридических лиц (с 2002 г.), составляет 232 945³.

Имущественное положение несостоятельных должников характеризуют два обстоятельства. Во-первых, в каждом из двух случаев банкротства из трех погашение требований кредиторов вообще произведено не было по причине недостаточности имущества должника. Так, по результатам проведения процедур конкурсного производства требования реестровых кредиторов не были удовлетворены даже частично в 63 % дел, завершившихся в январе-сентябре 2019 г., что немногим лучше, чем в такой же период 2018 г. (65 %). Напротив, число случаев полного удовлетворения требований всех кредиторов (в соответствии с абз. 7 п. 1 ст. 57 Закона о банкротстве) имело место только в 378 случаях по итогам первого по-

³ Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.10.2019 [Электронный ресурс]. URL : https://www.nalog.ru/rn38/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (дата обращения: 25.10.2019). Information on the work on state registration of legal entities as at 01.10.2019. Available from: https://www.nalog.ru/rn38/related_activities/statistics_and_analytics/forms/8376083/ (access date: 25.10.2019).

лугодия 2019 г., что составляет всего 3,54 % от общего числа всех прекращенных дел о банкротстве. В первом полугодии 2018 года данный показатель составлял 318, что составило 4,59 %. Во-вторых, доля крупных организаций-должников в процедурах банкротства невелика. Косвенно данное обстоятельство подтверждают сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2019 года. Так, арбитражные суды приняли решения о признании банкротами и об открытии конкурсного производства применительно к 20 финансовым организациям, одной стратегической организации и четырем субъектам естественных монополий. Заявлений о банкротстве градообразующих организаций не поступало и соответствующих решений о банкротстве не выносилось⁴.

2. Заявителями в делах о банкротстве организаций, как правило, выступили конкурсные кредиторы: в январе-сентябре 2019 г. они инициировали 78,8 % дел, в январе-сентябре 2018 г. – 75,9 % дел. Количество обращений Федеральной налоговой службы с заявлениями о банкротстве снизилось в относительном выражении с 13,9 % до 11,4 %, а заявлений со стороны самих должников осталась на уровне 9 % по сравнению с 2018 г.

3. Процедуры банкротства: число введенных судами реабилитационных процедур (финансовое оздоровление и внешнее управление) за первые девять месяцев 2019 г. снизилось и составило – 169 (0,9 % от всех процедур банкротства, введенных в указанный период). Для сравнения: в том же периоде 2018 г. реабилитационные процедуры были введены 240 раз (1,2 %). Судебный департамент при Верховном Суде РФ приводит сведения о количестве дел, по которым в первом полугодии 2019 г. вводились соответствующие процедуры банкротства: наблюдение – 5 096, финансовое оздоровление – 8, внешнее управление –

94, конкурсное производство – 6 138, мировое соглашение – 441. Таким образом, наиболее применяемой процедурой банкротства юридических лиц является конкурсное производство.

4. Средняя длительность процедуры конкурсного производства (исключая банки), завершившихся в январе-сентябре 2019 г., выросла по сравнению с тем же периодом 2018 г. на 8,5 %, и составляет 732 дня. Таким образом, этот показатель превысил два года впервые за весь период его расчета (с 2015 г.). Средняя длительность другой обязательной процедуры банкротства – наблюдения – возросла в январе-сентябре 2019 г. на один день и составила 198 дней по сравнению с аналогичным периодом 2018 г.

5. Характеристика требований кредиторов: за январь-сентябрь 2019 г. основная часть всех требований – 99,7 % – включенных в реестры приходилась на кредиторов третьей очереди (99,6 % – за январь-сентябрь 2018 г.), из которых 92,3 % – это требования кредиторов третьей очереди, не обеспеченные залогом, остальные 7,4 % – требования, обеспеченные залогом. Доля удовлетворенных требований кредиторов (к суммарному объему всех требований, включенных в реестры) в январе-сентябре 2019 г. снизилась до 4,7 % с 6,3 % в том же периоде 2018 г. При этом процент удовлетворения требований был существенно выше у залоговых кредиторов – 32,4 %, тогда как незалоговые кредиторы третьей очереди получили только 2,4 %, а все кредиторы третьей очереди – 4,6 %. Доля удовлетворенных требований кредиторов второй очереди (как известно, это прежде всего требования по зарплате) слегка повысилась до 22,0 % с 21,4 % в те же периоды.

На основании изложенного, можно в общих чертах обрисовать следующий обобщенный образ несостоятельного должника – юридического лица. Как правило, дело о банкротстве инициируется конкурсным кредитором, которое длится более двух лет, в ходе рассмотрения дела с большой степенью вероятности можно предполагать, что организация в конечном итоге будет признана судом банкротом и открыто конкурсное производство, в ходе которого значительная доля требований

⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2019 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5082> (дата обращения: 25.10.2019). Consolidated statistics on the activities of federal arbitration courts for the first half of 2019 year. Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5082> (access date: 25.10.2019).

кредиторов удовлетворена не будет.

Социально-экономическая характеристика российских несостоятельных должников – юридических лиц в оценке показателя Doing Business. Описанные показатели социально-экономического портрета несостоятельного должника – юридического лица корреспондируют соответствующим индикаторам показателя «Разрешение неплатежеспособности», который рассчитывается Всемирным банком при определении рейтинга стран («Ведение бизнеса») (Doing Business)⁵. В отношении Российской Федерации основные индикаторы показателя «Разрешение неплатежеспособности» по сравнению с прошлым годом практически не изменились. Немного вырос только коэффициент возврата долга – с 42,1 до 43 пунктов, тогда как все остальные остались на прежнем уровне. Так, срок процедур банкротства эксперты Всемирного банка оценили в два года, затраты на проведение процедур банкротства – в 9 % от стоимости имущества должника, индекс эффективности нормативно-правовой базы – в 11,5 балла. По индикатору «Конечный результат процесса банкротства» Российская Федерация уже несколько лет получает ноль баллов, поскольку активы должника в деле о банкротстве продаются по частям. Тогда как те страны, законодательство которых предусматривает реальную возможность предприятию продолжить функционирование, получают один балл.

Несмотря на небольшое увеличение показателя «Разрешение неплатежеспособности» (59,1 пунктов в 2019 г. против 58,4 пунктов в 2018 г.), Российская Федерация опустилась с 55 на 57 место в соответствующем рейтинге стран, пропустив вперед Кению и Индию, в которых законодательство о банкротстве приобрело реабилитационную, а не ликвидационную направлен-

ность⁶. Симптоматично, что Правительство Российской Федерации еще в 2014 г. ставило амбициозную задачу достижения следующих нормативных значений показателя «Разрешение неплатежеспособности» в рейтинге стран Doing Business к 2018 г. применительно к следующим индикаторам:

- среднее время прохождения процедуры банкротства – полтора года;
- стоимость (процент от величины среднедушевого дохода) – 8;
- коэффициент взыскания – 55⁷.

⁶ Для справки заметим, что по итогам сводной оценки всех показателей (а не только «Разрешение неплатежеспособности») Российская Федерация в рейтинге стран «Ведение бизнеса» (Doing Business) заняла в 2019 г. 28 место (World Bank, 2019. С. 4), стабильно демонстрируя улучшение своих показателей. Так, еще шесть лет назад – в 2013 г. – Российская Федерация занимала только 92 место. Правительство РФ ведет планомерную работу по повышению уровня показателей соответствующего рейтинга и вхождения России в первую двадцатку стран-лидеров. Так, в качестве целевого индикатора ожидаемых результатов реализации государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» является повышение позиции Российской Федерации в рейтинге Doing Business со 120 места в 2012 г. до 20 места к 2024 г. Кстати, согласно программе плановое значение данного индикатора на 2019 г. – 30 место (см.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. 2). Ст. 2162). For reference, we note that according to the results of a consolidated assessment of all indicators (not just "Resolution of insolvency"), the Russian Federation was ranked 28 in the Doing Business rating in 2019 year (World Bank, 2019. P. 4), steadily demonstrating an improvement in their performance. So, six years ago, in 2013, the Russian Federation was ranked 92. The Russian government is conducting work to increase the level of indicators of the corresponding rating and Russia's entry into the top 20 countries. So, as a target indicator of the expected results of the implementation of the state program of the Russian Federation "Economic Development and Innovative Economics" is to increase the position of the Russian Federation in the Doing Business rating from the 120th place in 2012 year to the 20th place by 2024 year. By the way, according to the program, the planned value of this indicator for 2019 year is the 30th place (see: Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014 No. 316 "On approval of the state program of the Russian Federation" Economic development and innovative economy". Corpus of legislative acts of the Russian Federation. 2014. № 18 (h. 2). Art. 2162).

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 24 июля 2014 г. № 1385-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Совершенствование процедур

⁵ Источником приведенных данных является сайт Всемирного банка «Doing Business. Оценка бизнес регулирования» [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/doingbusiness>. (дата обращения: 25.10.2019). The source of the data is the World Bank's «Doing Business. Assessment of business regulation». Available from: <https://russian.doingbusiness.org/en/doingbusiness> (access date: 25.10.2019).

Нетрудно заметить, что позиция Российской Федерации в рейтинге Doing Business по показателю «Разрешение неплатежеспособности» в 2019 г. достигает планируемого нормативного значения только в отношении второго индикатора.

Социально-экономический портрет должника – гражданина. Данный вопрос может быть представлен посредством анализа динамики изменений аналогичных показателей, использованных применительно к юридическим лицам.

1. **Количественный состав должников:** арбитражные суды в январе-сентябре 2019 г. признали банкротами 46 734 граждан (включая индивидуальных предпринимателей), что на 53,9 % больше, чем за тот же период 2018 г. Для справки: общее количество граждан, признанных судами банкротами, за весь период применения законодательства о потребительском банкротстве составляет 140 989 человек. Таким образом, на каждые 100 тыс. человек населения в России приходится 96 банкротов. Кроме того, отличительной особенностью несостоятельных должников – физических лиц – является отсутствие у них имущества. Так, доля дел, в которых у должника не было имущества, подлежащего реализации, в январе-сентябре 2018 и 2019 гг. составила 74 % и 77 % соответственно. При этом доля тех, чьи кредиторы по итогам реализации активов ничего не получили, достигла – 66 % и 65 % соответственно.

2. **Заявителями в делах о банкротстве граждан, как правило, выступают сами должники.** В январе-сентябре 2019 г. они инициировали 90,3 % дел, а в январе-сентябре 2018 г. – 85,5 % дел. Доля конкурсных кредиторов как заявителей снизилась с 13,2 % до 7,8 %, а Федеральной налоговой службы – выросла с 1,3 % до 1,8 %.

3. **Процедуры банкротства:** реструктуризация долгов гражданина в первые девять месяцев 2019 г. вводилась несколько реже, чем за аналогичный период 2018 г. –

18,0 % и 18,5 % дел о банкротстве соответственно. Судебный департамент при Верховном Суде РФ приводит сведения о количестве дел, по которым в первом полугодии 2019 г. вводились соответствующие процедуры банкротства: реструктуризация долгов гражданина – 6 018, реализация имущества гражданина – 29 085, мировое соглашение – 208.

4. **Средняя длительность процедуры реализации имущества гражданина, завершившихся в январе-сентябре 2019 г.,** выросла на 4,7 % до 274 дней по сравнению с данными за такой же период 2018 г. Длительность реструктуризации долгов гражданина за январь-сентябрь 2019 г. составила в среднем 194 дня, что свидетельствует о снижении на 3,3 % к аналогичному периоду 2018 г.

5. **Характеристика требований кредиторов:** основная часть – 99,8 % – включенных в реестры требований приходится на кредиторов третьей очереди по отчетам за январь-сентябрь 2019 г. (99,5 % – за январь-сентябрь 2018 г.), в том числе 89,3 % общей суммы – требования кредиторов третьей очереди, не обеспеченные залогом, остальные 10,4 % – требования, обеспеченные залогом. Процент удовлетворения требований выше у залоговых кредиторов – 17,3 %. Незалоговые кредиторы третьей очереди получили 1,8 %, все кредиторы третьей очереди – 3,4 %. Общий процент погашенных требований кредиторов (отношение суммарного объема удовлетворенных требований к суммарному объему включенных в реестры кредиторов требований) в январе-сентябре 2019 г. вырос до 3,5 % с 2,8 % в таком же периоде 2018 года.

На основании изложенного, можно в общих чертах обрисовать следующий обобщенный образ несостоятельного должника – гражданина. Как правило, дело о банкротстве инициируется самим должником, дело о банкротстве длится более полугодом, как правило, гражданин признается судом банкротом и открывается процедура реализации имущества гражданина, в ходе которой подавляющая часть требований кредиторов вообще не погашается за счет имущества должника.

Правовая ценность исследования вопросов социально-экономического по-

несостоятельности (банкротства)» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4440. Decree of the Government of the Russian Federation dated July 24, 2014 No. 1385-r "On approval of the action plan ("road map")" "Improving insolvency (bankruptcy) procedures". Corpus of legislative acts of the Russian Federation. 2014. No. 31. Article 4440.

ложения несостоятельного должника. Какое практическое значение для целей правового регулирования имеет характеристика социально-экономического портрета несостоятельного должника в современных российских условиях? Думается, что самое непосредственное. Прежде всего полное и всестороннее представление о социально-экономическом положении несостоятельного должника актуализирует основные направления совершенствования действующего законодательства о банкротстве.

Во-первых, восстановительные (реабилитационные) процедуры банкротства в России, как следует из анализа, фактически не применяются. Здесь речь идет о финансовом оздоровлении, внешнем управлении и мировом соглашении. Не будет преувеличением сказать, что нормы о финансовом оздоровлении, например, являются «мертвыми». Закономерным в связи с этим замечанием является постановка вопроса о необходимости модернизации восстановительного механизма института банкротства юридических лиц. Российской экономической системе необходимы новые, но более эффективные и действенные средства восстановления платежеспособности несостоятельных должников, прежде всего в тех сферах деятельности, в которых присутствует интерес государства (градообразующие организации, стратегические предприятия, субъекты естественных монополий). В частности, небезынтересным для российской правовой системы является используемый в сербском законодательстве еще с 1989 г. институт «продажи должника как юридического лица совместно с его имуществом и имущественными правами» при банкротстве, при котором происходит смена учредителей (участников) должника – юридического лица. Производство по делу о банкротстве в отношении проданного юридического лица (бывшего должника) прекращается, но продолжается дело о банкротстве в отношении конкурсной массы, которая наделяется дееспособностью и правоспособностью, получает активную и пассивную легитимацию – быть стороной в процессе (Мастилевич, 2019. С. 42).

Во-вторых, учитывая то обстоятельство, что дела о банкротстве, как правило,

возбуждаются в отношении граждан, не имеющих какого-либо имущества, реализация которого позволила хотя бы отчасти удовлетворить требования кредиторов, актуальным является вопрос законодательного проектирования упрощенной процедуры банкротства такой категории должников – физических лиц.

Составление рейтинга стран «Ведение бизнеса» (Doing Business) также не является самоцелью. Эксперты Всемирного банка на основе анализа показателя «Разрешение неплатежеспособности» приняли попытку выявить закономерности влияния государства на отношения несостоятельности и обосновать рекомендации по разработке правовой политики в соответствующей области общественных отношений. В частности, в подготовленном в этом году отчете Всемирного банка отмечается, что современная модель законодательства о банкротстве должна сместить акцент на применение «реорганизационных процедур» (reorganization procedures) для предприятий, которые являются экономически жизнеспособными, но столкнувшись с временными финансовыми затруднениями. Напротив, в отношении нежизнеспособных предприятий должны быть предусмотрены механизмы, позволяющие их быстро ликвидировать (World Bank, 2019. С. 54). Данные рекомендации обосновываются выявленными эмпирическими закономерностями между реформами законодательства о банкротстве и экономическими отношениями: (1) самые высокие показатели удовлетворения требований кредиторов фиксируются в тех странах, где «реорганизационные процедуры» являются наиболее востребованными; (2) в странах, где не практикуется применение «реорганизационных процедур», внутренние инвестиции падают или остаются неизменными во всех регионах, кроме Восточной Азии и Тихого океана (World Bank, 2019. С. 55).

По мнению аналитиков Всемирного банка, большинство реформ законодательства о банкротстве, которые вводили «реорганизационные процедуры», были осуществлены во время и после финансового кризиса 2008 года. Таким образом, внедрение эффективных «реорганизационных процедур» является относительно не-

давним явлением, и во многих странах предприятия, испытывающие финансовые трудности, по-прежнему не имеют возможности воспользоваться инструментами восстановления своей платежеспособности. В частности, отмечается, что во всем мире треть стран не имеет «реорганизационных процедур». Законодательство о банкротстве Индии (Insolvency and Bankruptcy Code), обновленное в 2016 г., дает пример успешного внедрения «реорганизационных процедур», что в конечном итоге обеспечило стране взлет со 108 места в прошлом году до 52 места в 2019 г. по показателю «Разрешение неплатежеспособности». Наличие эффективных реабилитационных процедур позволяет восстановить финансовую состоятельность экономически жизнеспособных компаний, предотвратить продажу имущества по частям (piecemeal liquidation), а также обеспечить защиту прав и интересов кредиторов (World Bank, 2019. С. 54).

Показательным в этой связи является опыт германского законодательства о несостоятельности. Как отмечает Т.П. Шишмарева, «в ходе реформы законодательства о несостоятельности в Германии в течение 1978–1994 гг. произошла смена парадигмы – от ликвидации имущества должника к санации должника». Итогом законодательных реформ явилась замена процедуры конкурсного производства (Konkursverfahren), которая прежде использовалась исключительно в целях удовлетворения требований кредиторов, на единую процедуру несостоятельности (Insolvenzverfahren). Последняя допускает возможность утверждения плана санации (Insolvenzplan). В ходе реформы трансформировались цели процедуры – наряду с удовлетворением требований кредиторов в качестве равнозначной цели установлено сохранение предприятия несостоятельного должника (Шишмарева, 2016. С. 44).

На необходимость активизации реабилитационных и оздоровительных механизмов института банкротства обращает внимание заместитель Председателя Верховного Суда РФ – председатель Судебной коллегии по экономическим спорам О.М. Свириденко: «Наиболее важной функцией института несостоятельности яв-

ляется социальная функция, поскольку в современных условиях цель института несостоятельности (банкротства) заключается не только в удовлетворении требований кредиторов, защите прав должника, но и в стабильности рынка, рыночных отношений» (Свириденко, 2016. С. 100). С данными выводами нельзя не согласиться.

Правовая характеристика должника как субъекта отношений, возникающих при несостоятельности (банкротстве). Легальная дефиниция «должник» для целей конкурсного законодательства приводится в ст. 2 Закона о банкротстве. Согласно данной норме должником именуется «гражданин, в том числе индивидуальный предприниматель, или юридическое лицо, оказавшиеся неспособными удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей в течение срока, установленного настоящим Федеральным законом». Учитывая то обстоятельство, что легальная дефиниция рассматривается в теории права как форма аутентического толкования (Черданцев, 2012. С. 67), раскроем это определение, акцентировав внимание на проблемных вопросах, и тем самым дадим правовую характеристику рассматриваемого субъекта.

Во-первых, должником признаны только физические и юридические лица, что не соответствует не только экономическому обороту, но и самому Закону о банкротстве, анализ которого позволяет назвать, по крайней мере, два случая банкротства неправосубъектных образований – крестьянского (фермерского) хозяйства без образования юридического лица, действующего на основе соглашения (§ 3 гл. X о банкротстве), и умершего гражданина (§ 4 гл. X о банкротстве). И хотя в юридической литературе ведутся дискуссии относительно того, кто (или что) является субъектом банкротства в последнем случае – сам умерший гражданин, наделенный в этом случае правосубъектностью (Полич, 2018. С. 671–672), наследственное имущество (наследственная масса) (Шершеневич, 1912. С. 418), наследники (Ев-

тушенко, 2015. С. 541) – полагаем, что Закон о банкротстве исходит из допустимости открытия производства по делу о банкротстве в отношении умершего гражданина.

К.И. Малышев в фундаментальной монографии «Исторический очерк конкурсного процесса» (1871), анализируя работы немецких ученых, указывал, что «обыкновенным субъектом конкурсного процесса является несостоятельный должник – лицо физическое или юридическое». Однако его может и не быть, поскольку «роль его в производстве более пассивная, чем деятельная» (Малышев, 2007. С. 574–575). Поэтому расширение круга неправосубъектных образований, которые могут признаваться банкротами в рамках одного производства, является закономерным и объективным явлением как с точки зрения международно-правового регулирования, так и национальных правопорядков. Актуальным на сегодняшний день является вопрос о допустимости банкротства группы юридических лиц (предпринимательской группы). Подтверждением данного обстоятельства являются соответствующие разработки Комиссии ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), рассматривающие возможные вопросы процессуального и материально-правового регулирования банкротства группы компаний. Иностранному правопорядку также известен соответствующий институт. Наиболее радикальным вариантом регулирования является существующая в США доктрина «substantive consolidation», которая рассматривается как средство защиты права, позволяющее объединить имущество и обязанности двух и более лиц и рассматривать их в качестве принадлежащих одному лицу для целей банкротства. Институт substantive consolidation не закреплен в национальном законодательстве (Bankruptcy Code), а полностью является продуктом деятельности судов (Семикова, 2011. С. 163). Совершенно справедливо в юридической доктрине отмечается, что реализация в российской правовой системе «механизмов несостоятельности группы компаний» является средством, направленным на повышение эффективности института банкротства (Карелина, 2018. С. 43).

Во-вторых, в юридической литерату-

ре стало общим правилом при рассмотрении вопроса о понятии «должник» в конкурсном праве соотносить его с соответствующим одноименным гражданско-правовым понятием. При этом авторы приходят к разным конечным выводам. И.В. Фролов указывает, что по сравнению с гражданско-правовым понятием определение должника в законодательстве о банкротстве представляется более узким, поскольку включает в себя должников по неденежным требованиям (Карелина, 2019. С. 282). Напротив, Т.П. Шишмарева приходит к выводу о том, что понятие «должник» в Законе о банкротстве является более широким в сравнении с контекстом гражданско-правового обязательства и включает помимо должников частноправовых отношений также обязанных субъектов публично-правовых отношений (Шишмарева, 2015. С. 27). С.С. Галкин полагает, что понятие должника в смысле Закона о банкротстве, с одной стороны, сужено по сравнению с гражданско-правовым понятием должника, а с другой – расширено (Ершова, Енькова, 2016. С. 40–41).

С последним суждением стоит согласиться, но только отчасти. Представляется, что гражданско-правовое и специально-конкурсное значения рассматриваемого термина отнюдь не равнозначны по объему и не соотносятся между собой как общее и особенное, находясь в логическом отношении пересечения, а не подчинения. Поэтому их соотношение не может быть описано посредством таких характеристик как «шире» или «уже».

В-третьих, анализ Закона о банкротстве позволяет выявить некоторую непропорциональность применительно к юридическим и физическим лицам по вопросам определения круга лиц, которые могут быть признаны банкротами, а также при установлении специального правового регулирования банкротства отдельных категорий должников. Примечательно, что по закону все категории физических лиц без исключения могут быть признаны банкротами. При этом не имеет значение возраст (совершеннолетние или нет), наличие полной дееспособности (банкротами могут быть недееспособные, ограниченно дееспособные, адееспособные лица), наличие

гражданства (российские граждане, иностранцы, лица без гражданства). Тогда как из числа юридических лиц Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) делает значительное количество изъятий. Так, согласно п. 1 ст. 65 ГК РФ не могут быть признаны банкротами (1) казенные предприятия, (2) учреждения, (3) политические партии, (4) религиозные организации, (5) публично-правовая компания. Кроме того, (6) государственная корпорация или государственная компания может быть признана банкротом, если это допускается федеральным законом, предусматривающим ее создание. Однако ни один федеральный закон такую возможность не предусмотрел. Не может быть также признан банкротом (7) фонд, если это установлено законом, предусматривающим создание и деятельность такого фонда. Согласно последнему положению в России не допускается банкротство трех фондов – Фонда перспективных исследований⁸, Российского научного фонда⁹, а также центров исторического наследия Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий¹⁰.

Поиск какого-либо рационального

⁸ См.: п. 4 ст. 4 Федерального закона от 16 октября 2012 г. № 174-ФЗ «О Фонде перспективных исследований» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 43. Ст. 5787. See: Clause 4, Article 4 of the Federal Law dated October 16, 2012 No. 174-FL "On the Foundation for Advanced Research". Corpus of legislative acts of the Russian Federation. 2012. No. 43. Article 5787.

⁹ См.: п. 17 ст. 2 Федерального закона от 2 ноября 2013 г. № 291-ФЗ «О Российском научном фонде и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 44. Ст. 5630. See: p. 17, art. 2 of the Federal Law of November 2, 2013 No. 291-FL "On the Russian Science Foundation and Amending Some Legislative Acts of the Russian Federation". Corpus of legislative acts of the Russian Federation. 2013. No. 44. Article 5630.

¹⁰ См.: п. 7 ст. 2 Федерального закона от 13 мая 2008 г. № 68-ФЗ «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 20. Ст. 2253. See: Clause 7, Article 2 of the Federal Law of May 13, 2008 No. 68-FL "On Centers of the Historical Heritage of the Presidents of the Russian Federation who have ceased to exercise their powers". the Historical Heritage of the Presidents of the Russian Federation who have ceased to exercise their powers". Corpus of legislative acts of the Russian Federation. 2008. No. 20. Art. 2253.

объяснения причин определения такого круга конкурсоспособных лиц, как представляется, не дал положительного результата в современной литературе. Думается, что его просто не существует. Исключения сделаны преимущественно из соображений политико-правового характера, а не коренятся в каких-либо исключительных особенностях гражданско-правового положения должников – юридических лиц.

Специальное правовое регулирование банкротства применительно к физическим лицам установлено в отношении только индивидуальных предпринимателей (крестьянское (фермерское) хозяйство и умерший гражданин рассматриваются как неправосубъектные образования). Таким образом, граждане должны банкротиться по единым для них правилам без учета их статуса (например, инвалид, лица с семейными обязанностями и др.). Данный подход разительно отличается от того, который предусмотрен применительно к юридическим лицам. В частности, специальное регулирование введено по отношению к семи категориям должников – юридических лиц: градообразующим, сельскохозяйственным, финансовым стратегическим организациям, субъектам естественных монополий, застройщикам, а также участникам клиринга и клиентам участника клиринга.

В-четвертых, С.С. Галкин обосновал необходимость разработки учения о должнике. В частности, им предложено рассматривать должника в качестве *юридической формы (образа) существования и деятельности* всякого конкурсоспособного лица. Кроме того, должник, по его мнению, выступает *«правовым средством, с помощью которого лицу – носителю просроченной или очевидно могущей быть просроченной в исполнении имущественной обязанности в связи с возникающей ситуацией несостоятельности придаются свойства субъекта конкурсных отношений»* (Галкин, 2016. С. 32). По сути, автор предложил дифференцировать два уровня исследования несостоятельного должника – теоретический и эмпирический и обозначил для каждого из них соответствующий понятийно-категориальный аппарат. С эмпирической точки зрения должник – это конкурсоспо-

собное лицо, которое обладает признаками банкротства и в отношении которого возбуждено производство по делу о банкротстве. С теоретических позиций должника предлагается рассматривать как юридическую форму и правовое средство. При таком истолковании позиция ученого заслуживает пристального внимания. По нашему мнению, нельзя недооценивать методологические вопросы соотношения эмпирического и теоретического знания для последующего юридического исследования (Пахаруков А.А., 2016. С. 44–54).

Краткие выводы. Рассмотрение социально-экономического положения несо-

стоятельного должника позволяет обосновать основные направления совершенствования действующего законодательства о банкротстве (правотворческий аспект), а также выявить определенные эмпирические закономерности влияния законодательства на изменение экономических процессов (гносеологический аспект). Изучение должника как правового понятия в юридической доктрине может осуществляться по двум направлениям – исследования вопросов эмпирического характера, на основе которых могут быть получены достоверные теоретические выводы (методологический аспект).

Библиографический список

Галкин С.С. Учение о должнике в конкурсном праве России и национальная экономическая политика // Предпринимательское право. 2016. № 3. С. 32–38.
Губин Е.П. Теория и практика правового регулирования предпринимательской деятельности: соотношение и взаимосвязь // Предпринимательское право. 2018. № 1. С. 3–9.
Евтушенко Е.В. Процессуально-правовые аспекты банкротства физических лиц // Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 538–541.
Ершова И.В., Енькова Е.Е. (отв. ред.). Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров. М.: Проспект, 2016. 336 с.
Карелина С.А. (отв. ред.). Несостоятельность (банкротство). М.: Статут, 2019. Т. 1. 925 с.
Карелина С.А. Новые законодательные реформы: нужны ли они (на примере законодательства о несостоятельности (банкротстве))? // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 3–6.
Карелина С.А. Правовые проблемы несостоятельности (банкротства) корпораций: новеллы и тенденции // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 2. С. 41–45.
Карелина С.А. Экономическая сущность несостоятельности и правовая форма ее реализации // Предпринимательское право. 2019. № 2. С. 24–30.
Малышев К.И. Избранные труды по конкурсному процессу и иным институтам торгового права. М.: Статут, 2007. 795 с.
Масилов Л. Продажа должника по банкротству как

юридического лица как самый оптимальный способ реструктуризации // Юрист. 2019. № 4. С. 41–48.
Пахаруков А.А. Структура научного знания: эмпирический и теоретический уровни (на примере юридической науки) // Культура. Наука. Образование. 2019. № 3. С. 23–57.
Полич С.Б. Некоторые особенности правосубъектности лиц – участников гражданских и семейных отношений // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 664–684.
Свириденко О.М. Принцип объективной реальной платежеспособности должника // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11. С. 99–103.
Семикова Л.Е. Институт substantive consolidation в США как модель материальной консолидации в банкротстве // Вестник гражданского права. 2011. № 1. С. 160–198.
Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с.
Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. Т. 4: Торговый процесс. Конкурсный процесс. 596 с.
Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. 332 с.
Шишмарева Т.П. Санация неплатежеспособных должников в законодательстве о несостоятельности Германии // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 4. С. 44–48.
World Bank. Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies. Washington, DC: World Bank, 2019. 136 p. DOI:10.1596/978-1-4648-1440-2.

References

Galkin S.S. (2016) The doctrine of the debtor in the competition law of Russia and the national economic policy. *Predprinimatel'skoe pravo* = Entrepreneurial law. No. 3. P. 32–38. (In Russ.)
Gubin E.P. (2018) Theory and practice of legal regulation of entrepreneurial activity: correlation and interconnection. *Predprinimatel'skoe pravo* = Entrepreneurial law. No. 1. P. 3–9. (In Russ.)
Evtushenko E.V. (2015) Procedural and legal aspects of

the bankruptcy of individuals. *Administrative and municipal law*. No. 6. P. 538–541. (In Russ.)
Ershova I.V., E.E. En'kova (otv. red.). (2016) Bankruptcy of business entities: a tutorial for students of bachelor program. Moscow: Prospekt. 336 p. (In Russ.)
Karelina S.A. (otv. red.). (2019) Insolvency (bankruptcy). Moscow: Statut. Vol. 1. 925 p.
Karelina S.A. (2018) New legislative reforms: are they needed (in case of legislation on insolvency (bankrupt-

cy)? *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes"* = Entrepreneurial law. Appendix "Law and Business". No. 1. P. 3–6. (In Russ.)
Karelina S.A. (2018) Legal problems of insolvency (bankruptcy) of corporations: know-how and trends. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes"* = Entrepreneurial law. Appendix "Law and Business". No. 2. P. 41–45. (In Russ.)
Karelina S.A. (2019) The economic nature of insolvency and the legal form of its implementation. *Predprinimatel'skoe pravo* = Entrepreneurial law. No. 2. P. 24–30. (In Russ.)
Malyshev K.I. (2007) Selected works on the competitive process and other institutions of commercial law. Moscow: Statut. 795 p. (In Russ.)
Mastilovich L. (2019) Sale of a debtor in bankruptcy as a legal entity as the most optimal way of restructuring. *Yurist* = Lawyer. No. 4. P. 41–48. (In Russ.)
Pakharukov A.A. (2019) The structure of scientific knowledge: empirical and theoretical levels (in case of legal science). *Kultura. Nauka. Obrazovanie* = Culture. Science. Education.. No. 3. P. 23–57. (In Russ.)
Polich S.B. (2018) Some features of the legal personality of persons - participants in civil and family relations. Perm

Критерии авторства

А.А. Пахаруков выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Пахаруков Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного дела и правоведения, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
✉ e-mail : paharukov@mail.ru

University Herald. Juridical Sciences. No. 4. P. 664–684. (In Russ.)
Sviridenko O.M. (2016) The principle of objective real solvency of the debtor. *Actual Problems of Russian Law*. No. 11. P. 99–103. (In Russ.)
Semikova L.E. (2011) Institute of substantive consolidation in the USA as a model of material consolidation in bankruptcy. *Civil Law Review*. No. 1. P. 160–198. (In Russ.)
Cherdantsev A.F. (2012) Logical and linguistic phenomena in jurisprudence. Moscow: Norma: INFRA-M. 320 p. (In Russ.)
Shershenevich G.F. (1912) Commercial law course. Moscow: Izd. Br. Bashmakovykh. Vol. 4 : Torgo-vyi protsess. Konkursnyi protsess. 596 p. (In Russ.)
Shishmareva T.P. (2015) Insolvency Institute in Russia and Germany. Moscow: Statut. 332 p. (In Russ.)
Shishmareva T.P. (2016) Remediation of insolvent debtors in German insolvency law. *Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie "Pravo i Biznes"* = Entrepreneurial law. Appendix "Law and Business". No. 4. P. 44–48. (In Russ.)
World Bank. *Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies*. Washington, DC: World Bank, 2019. 136 p. DOI:10.1596/978-1-4648-1440-2.

Criteria for Authorship

A.A. Pakharukov has conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright in this article and bears responsibility for its originality.

Conflict of Interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Author's Credentials

Aleksandr A. Pakharukov, Cand. Sci. (Jurisprudence), Associate Professor of Customs and Law Department, Irkutsk State Transport University, 15 Chernishevsky Street, Irkutsk, 664074, Russia,
✉ e-mail: paharukov@mail.ru